

УДК 811.161.1'38'36

СЕРГЕЙ ПОПОВ

(Харьков)

О ПЕРЦЕПТИВНО-ЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО СИНТАКСИСА: УПРАВЛЕНИЕ

Ключові слова: сприйняття, логіка, еволюція, синтаксис, управління.

Как доказано в трудах представителей сравнительно-исторического языкознания, естественные языки с течением времени изменяются на всех своих ярусах. Для большинства лингвистов языковые изменения являются абсолютным синонимом проявлений аксиоматически прогрессивного развития языка. Однако встречается также различие прогрессивного и непрогрессивного языкового развития. Как следствие такого различия по-разному трактуется и понятие языковой эволюции. Так, Б. А. Серебренников отождествляет эволюцию с прогрессом и различает относительный и абсолютный языковые прогрессы [16], а Н. В. Юдина различает в языке «просто изменения», которые называет эволюцией, и «изменения прогрессивные» [20, с. 264–265].

Когнитивно-эволюционный подход, предложенный эволюционной эпистемологией к изучению закономерностей познания явлений действительности и примененный нами к изучению механизма дифференциации русских грамматических вариантов, позволил осознать правоту Б. А. Серебренникова и других лингвистов, склонных считать языковые изменения прогрессивными, и признать эволюцию языка потенциально позитивной, характеризующейся высокой степенью позитивной реализации. Основой для такого признания стала фиксация когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики».

Восприятие может быть: 1) синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, следовательно, категоризировать познаваемое; 2) поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым и происходит категоризация, часто ошибочная; и 3) альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся в наличии признаки, благодаря чему может быть выбран признак, категоризация по которому корректна. Каждая из этих степеней восприятия обеспечивает соответствующее качество логичности мышления и, как следствие, логичности тесно связанной с мышлением грамматики (подробнее об этом см. [12, с. 64–142]). Однако очевидно, что качество логичности мышления влияет не только на грамматический строй – в той или иной степени оно влияет на язык в целом, то есть на все его уровни, обуславливая соответствующее качество их логичности.

Историческая грамматика не только реконструирует древнее положение дел в грамматике, но и в согласии с принципиальной идеей структурализма скрупулезно описывает происходящие в ней изменения, крайне редко объясняя их причины связью с когнитивными структурами. Главным принципом гармонично дополняющей лингвоструктурализм когнитивной лингвистики является объяснительность [7, с. 25]: объяснение причин языковых изменений, которые происходят не сами по себе, а являются обусловленными влиянием качества восприятия на качество логики как строя мышления носителей языка. В данном случае мы предпринимаем попытку объяснения исторических изменений в сфере русского синтаксического управления зависимостью качества его логичности от качества его восприятия.

В истории русского синтаксиса в целом можно видеть то же поступательное движение грамматического строя русского языка к обусловленной альтернативным восприятием логической ясности, что и в истории других его ярусов. Как заметил в свое время Ф. И. Буслаев, «синтаксис новейшей книжной речи отличается от синтаксиса древнего и народного языка большею простотою и однообразием в правилах управления и согласования слов» [3, с. 268]. Безусловно, многие синтаксические изменения были обусловлены изменениями морфологическими, которые, в свою очередь, во многом стали следствием перемен в фонетике, означающих когнитивно-эволюционное стремление носителей языка к большему смысловозначению. Однако, как и в морфологии, на уровне синтаксиса к изменениям приводили и свои, специфические (сочетаемостные), факторы, обусловленные перцептивно-логической эволюцией русскоговорящих людей.

Большое количество логичных изменений, обусловленных эволюцией восприятия у носителей русского языка от поверхностного к альтернативному, произошло в сфере синтаксического согласования. Эти многочисленные изменения не удивительны, ведь именно при синтаксическом согласовании поверхностность восприятия лишь ближайшего из согласуемых слов, особенно при синтаксической однородности таких слов, является весьма заметной, например *мой отец и мать* (на странность этого сочетания обращал внимание еще М. В. Ломоносов [8, с. 554]) или *Черное и Белое море* (Ф. И. Буслаев считал, что такое сочетание «приличнее речи разговорной

и безыскусственной» [3, с. 450]). На первый взгляд, нерушимым рудиментом поверхностности восприятия сегодня выглядят частотные согласования относительных адъективов с однородными субстантивами, например *русский язык и литература*. Именно по причине высокой частотности это сочетание не трансформируется в сочетание **русские язык и литература*, однако оно всё чаще трансформируется в более громоздкое, но логичное *русский язык и русская литература*: в Национальном корпусе русского языка имеется 7 вхождений этого сочетания в разных падежах (дата последнего обращения – 08.02.2016 г.). Описание и перцептивно-логическое объяснение подобных изменений в сфере русского синтаксического согласования см. в [13, с. 106–129].

Синтаксическая связь примыкания, как не характеризующаяся словоизменением и, следовательно, не подвергаемая каким-либо формальным историческим изменениям, по своему статусу не может рассматриваться в когнитивно-эволюционном аспекте.

Целью настоящей статьи является изучение влияния наблюдаемой у носителей русского языка перцептивно-логической зависимости на синтаксическое управление.

Существительное в именительном падеже в функции дополнения. Не сохранилась наблюдаемая в древнерусском до начала XVIII века логическая странность употребления им. п. неодушевленных существительных ж. р. в функции прямого дополнения после переходных глаголов, например *пахати земля, косити трава*. А. А. Шахматов предположил, что такое употребление развилось из форм им. п. при сказуемом-предикативе типа *надо, нужно* с последующим переходом узуса к грамматически более логичному согласованию форм им. п. с кратким прилагательным: *мне надо земля, мне нужно земля* → *мне нужна земля* [18, с. 141]. Признавая правдоподобность этой версии, поддержанной другими учеными (см. [2, с. 348–349; 17, с. 311–313]), полагаем, что с обусловленным альтернативностью восприятия развитием специализации грамматических форм, а именно с различием неизменяемого предикатива *нужно* (синонимичного предикативу *надо*), предпочитающего синтагму с управляющим падежными формами инфинитивом, например *нужно пахать землю* (а не **нужно землю*), и изменяемого по родам и числам краткого прилагательного *нужен* (*нужна, нужно, нужны*), им. п. в функции прямого дополнения стал особенно неприемлемым.

Существительное в звательном падеже в функции подлежащего. Благодаря развитию у носителей русского языка альтернативности восприятия – восприятия двух явлений как друг другу противоречащих – логично исчезло противоречивое употребление формы звательного падежа в значении именительного (*согрешил Адаме*) [1, с. 346–348], которое сравнительно недавно наблюдалось также в народных поэзиях украинской [14, с. 103], белорусской [6, с. 339] и иногда встречается там до сих пор. Такому логически странному употреблению лингвисты не могли не пытаться находить объяснения (см. о них в [6, с. 339–340]). Наиболее правдоподобным и потому признаваемым большинством исследователей, а также весьма психологичным по своей природе выглядит мнение, высказанное Д. Н. Овсяннико-Куликовским, который предложил считать такое употребление зва-

тельного падежа «именительным с «окраскою» чувством» [11, с. 182–183]. Очевидно, что совмещение номинативности с чувственной звательностью – обозначение субъекта таким, словно к нему обращаешься, – является ярким проявлением языкового синкретизма как следствия синкретизма перцептивного. Трудно не признать, что исчезновение такого противоречивого употребления, в первую очередь из книжной, высокой, официально-деловой речи, могло произойти и в случае, если бы звательный падеж в русской грамматике сохранился.

Дательный самостоятельный. Современным носителям русского языка совершенно непонятен так называемый «дательный самостоятельный», употреблявшийся в значениях современных придаточных предложений времени и причины, например *древляномъ пришедъшимъ* = *когда древляне пришли*; *борющемася има* = *так как они боролись* [2, с. 438–441; 17, с. 325–327; 1, с. 482–488; 5, с. 381–382]. Очевидно, к попыткам закрепить в таких значениях дательный падеж привело относительно позднее развитие системы подчинительных союзов в онтогенезе и филогенезе (см. об этом [12, с. 113]). Но, конечно, более частотное, альтернативное дательному самостоятельному, весьма контрастно противоречащее значениям времени и причины и актуальное сегодня значение дат. п. не могло не вытеснять чуждую ему семантику. Как происходит со всеми языковыми изменениями, это происходило не быстро. Например, М. В. Ломоносову было «сожалетельно», что вышли из употребления такие примеры, как *бывишу мнѣ на морѣ, восстала сильная буря* [8, с. 567]. Но в конце концов форма управления с дательным самостоятельным вышла из употребления окончательно.

Вторые родительный, винительный и дательный падежи. С эволюцией восприятия у носителей языка до альтернативного исчезли «второй винительный» (*нарицают его патриарха*), а также более редкие «второй родительный» (при глаголе с отрицанием: *не заста праведника оставлена*) и «второй дательный» (*граду взяту быти*) [9, с. 212–231; 17, с. 303–304; 1, с. 393–404; 5, с. 380–381]. Несложно заметить, что в этих случаях носители древнерусского языка демонстрировали синкретизм неразличения форм семантических субъекта и объекта и форм субстантива и управляемого адъектива. Данный синкретизм проявился в обычном для ранней стадии, но примитивном для зрелого периода развития языка повторе формы (ср. с функционально такими же повторами в фонетике, лексике и словообразовании). Однако по мере развития у носителей языка обусловленного альтернативностью восприятия абстрактного мышления наблюдается постепенный переход к восприятию необходимости дифференциации рассматриваемых форм. Причем, по свидетельству Т. П. Ломтева, в белорусских памятниках XV–XVI веков и, по свидетельству И. Ф. Нелюбовой, в украинских грамотах XIV–XV веков этот переход происходил гораздо быстрее, чем в русском, поскольку в белорусских и украинских текстах литературно-книжные традиции киевского периода уже не поддерживались с такой же силой, с какой они поддерживались в Московском государстве. Соответственно, эти традиции не должны были соблюдаться в устной русской речи [9, с. 114; 10, с. 39; 1, с. 360–366]. Несомненно, соблюдение литературно-книжной традиции было

простым следованием общему закону инерции, действие которого тормозит любую эволюцию, в том числе когнитивную.

Переходность глаголов и синтаксическое управление. С точки зрения перцептивно-логической эволюции, в сфере синтаксического управления наблюдается не только прогресс. На протяжении столетий носители языка непредусмотрительно утрачивали возможности глагольного управления, что, с позиций морфологии, считается утратой переходности глаголов. Возможная когда-то переходность (*воевать врага, править народ, работать сапоги, трудить ум*, например у А. С. Грибоедова: «*Чтоб не трудить себе ума...*») сменилась непереходностью, ограничившей возможности синтаксического управления. Как сообщает Ф. И. Буслаев, «в старину можно было сказать: *очутить, жаловать* (в смысле «жаловаться»), *намеревать, повиновать* и проч.» [3, с. 347]. По наблюдениям В. В. Иванова, за счет добавления к переходным глаголам постфикса *-ся* росло количество безличных непереходных глаголов, а глаголы переходные выходили из употребления [5, с. 372]. В результате этих процессов в современном русском языке переходных глаголов вдвое меньше, чем непереходных.

М. Н. Эпштейн, отмечая факт непереходности двух третей русских глаголов и объясняя причину этого явления социально-исторически сложившейся неразвитостью субъектно-объектных, в том числе имущественных, отношений (об этих и других проявлениях безынициативности «русских» подробно пишет А. Вежбицкая [4, с. 33–88]), приходит к следующим выводам: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению **непереходного мировоззрения**, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет» [19]. Такую ограничивающую и сферу синтаксического управления непереходность естественно признать рудиментом того первобытного восприятия окружающего мира, в котором все происходит само собой, поскольку наделено мистической (то есть непознаваемой) силой, которой человек противостоять не в состоянии и потому мистифицирует ее со всеми вытекающими отсюда когнитивно ущербными последствиями. Отсутствие инициативы и ответственности – результат невосприятия выгоды, предоставляемой инициативностью и возможностью действовать не по привычному шаблону, то есть в целом результат восприятия поверхностного. «Однако у русской грамматики, – оптимистично замечает М. Н. Эпштейн, – есть достаточный запас гибкости, чтобы вырвать свою глагольную систему из этого оцепенения непереходности, оживить каждый непереходный глагол его переходной функцией, переводящей действие от субъекта на объект». Автор приводит достаточное количество ненормативных с современной точки зрения употреблений из разговорной, жаргонной и детской речи, например *Его ушли; Кто за девушку платит, тот ее и танцует; Его нет дома, пошел гулять собаку; Я тебя отдохну; Ты меня заблудил; Папа, поплавай меня; Стал меня скучать; Прыгни шарик* [19] (добавим от себя: *Ты меня улыбнул*), чтобы, по мнению автора, можно было говорить о том, что в современном русском языке наметилась тенденция коммуникативно востребованного заполнения такой лакуны рус-

ской грамматики, как ограничивающая синтаксическое управление подавляющая непереходность глаголов.

Однако, как мы отмечали в [12, с. 375–376], эволюционная перспектива показанной М. Н. Эпштейном тенденции развития переходности и, как следствие, сферы синтаксического управления русских глаголов может быть поставлена под сомнение. Дело в том, что такие зафиксированные А. Вежибицкой, свидетельствующие о синкретизме и поверхностности восприятия особенности русского менталитета, как «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания», «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена», «склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности», «недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [4, с. 34], не только по-прежнему актуальны – они укрепляются. Т. Б. Радбиль на основе анализа большого количества речевых примеров представляет «совсем иную картину»: «Несмотря на свою определенную активность, процесс «развития переходности» в современной русской речи по степени своей распространенности не может идти ни в какое сравнение с обратным процессом «экспансии безличности или пассивно-возвратности». Инновационные тенденции в русской грамматике показывают значительное расширение сферы применимости пассивно-возвратных и безличных конструкций, особенно по отношению к концептуализации ситуаций или психических состояний, которые требуют по логике активного «присутствия» агенса» [15, с. 322–323]. Упомянутая автором, обусловленная перцептивно-логическими недостатками носителей русского языка «экспансия безличности или пассивно-возвратности» препятствует развитию переходности русских глаголов и тем самым обедняет возможности русского синтаксического управления.

Таким образом, рассмотрение исторических преобразований в сфере русского синтаксического управления с точки зрения перцептивно-логической эволюции позволяет говорить о том, что постепенное утверждение у носителей русского языка альтернативного восприятия способствовало избавлению русского синтаксического управления от противоречий употребления именительного падежа существительного в функции дополнения и звательного падежа существительного в функции подлежащего, употребления дательного самостоятельного и вторых родительного, винительного и дательного падежей. Неясным остается будущее таких когнитивно важных как для морфологии русских глаголов, так и для русского синтаксического управления событий, как восстановление и развитие переходности глаголов.

Представляется целесообразным дальнейшее изучение явлений перцептивно-логической эволюции в сфере русского синтаксиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – [2-е изд., доп.]. – М. : Наука, 1965. – 554 с.
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л. А. Булаховский. – [5-е изд., доп. и перераб.]. – К. : Учпедгиз, 1958. – 488 с.

3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / Анна Вежбицкая ; [отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой]. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. для студ. филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов / В. В. Иванов. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Просвещение, 1983. – 399 с., ил.
6. Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа / Е. Ф. Карский. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Вып. 2: Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. Вып. 3: Очерки синтаксиса белорусского языка. – 518 с.
7. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.
8. Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. / М. В. Ломоносов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389–578.
9. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 596 с.
10. Нелюбова И. Ф. Конструкции с двойными падежами в украинских и русских грамотах XIV–XV вв. / И. Ф. Нелюбова // Тези IV Міжвузівської республіканської славістичної конференції, 12–14 жовтня 1961 року. – Одеса, 1961. – С. 38–39.
11. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – [2-е изд., испр. и доп.]. – СПб. : Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской (Типография М. Стасюлевича), 1912. – XXXV, 322 с.
12. Попов С. Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / С. Л. Попов. – Харьков, 2015. – 453 с.
13. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования : монография / С. Л. Попов. – Харьков : НТМТ, 2013. – 150 с.
14. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике Т. 1–2. / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
15. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособ. / Т. Б. Радбиль. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 328 с.
16. Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка / Б. А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. – М. : Наука, 1970. – С. 9–95.
17. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка / П. Я. Черных. – [3-е изд.]. – М. : Учпедгиз, 1962. – 376 с.
18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 606 с.
19. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн // Знамя. – 2007. – № 3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>
20. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? / Н. В. Юдина. – М. : Гнозис, 2010. – 293 с.

СЕРГЕЙ ПОПОВ

**О ПЕРЦЕПТИВНО-ЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО СИНТАКСИСА:
УПРАВЛЕНИЕ**

В статье представлено когнитивное и историческое исследование перцептивно-логической эволюции русского синтаксиса, осуществленное на примере синтаксического управления. Данное исследование проводится в русле нового научного подхода – когнитивно-эволюционного, предложенного эволюционной эпистемологией. Такой подход предполагает повышенное внимание к человеческим восприятию и логике в

ходе их эволюции. Базирующийся на сведениях смежных с лингвистикой антопонимик о степенях восприятия и качестве логики человека, этот подход позволяет видеть глубинные причины изучаемых явлений. Целью данной статьи является изучение перцептивно-логического влияния на аспект синтаксического управления в грамматической системе русского языка. В статье дается подробный анализ перцептивно-логической эволюции русского синтаксического управления. Рассмотрение исторических преобразований данного управления с точки зрения перцептивно-логической эволюции позволяет говорить о том, что обладающие в целом альтернативным восприятием носители русского языка подсознательно стремятся, хотя и не всегда преуспевают в этом, оптимизировать систему русского синтаксического управления избавлением от противоречий. Статья представляет интерес для всех, кто интересуется различными вопросами эволюции языков. Представленная статья может помочь воспринимать глубинные причины языковых изменений.

Ключевые слова: восприятие, логика, эволюция, синтаксис, управление.

SERGIY POPOV

REVISITING THE PERCEPTUALLY-LOGICAL EVOLUTION OF RUSSIAN SYNTAX: GOVERNMENT

The article presents the cognitive and historical research of perceptually-logical evolution of Russian syntax carried out as exemplified in the syntactic government. This study is in line with a new scientific approach proposed by evolutionary epistemology: cognitive and evolutionary. This approach implies increased attention to human perception and logic in their evolution. Based on the information of anthroponomic sciences related to linguistics about degrees of perception and logics quality, this approach allows to see the deep reasons of phenomena being studied. The aim of this article is the study of perceptually-logical influence on the aspect government of syntactic system in the Russian language. The article gives a detailed analysis of perceptually-logical evolution of Russian syntactic government. The analysis of historical transformations of this government in terms of perceptually-logical evolution suggests that Russian speakers, having a whole alternative perception, subconsciously try, though not always succeed in this, to optimize the system of Russian syntactic government by getting rid of contradictions. This article is of interest to all who are interested in different issues of language evolution. Presented article can help to to perceive the deep reasons of language change.

Key words: perception, logics, evolution, syntax, government.

Одержано 5.02.2016 р.